

Родословная

«О предках моих и визитах цыган в деревню»

«ММ» продолжает знакомить читателей с творчеством самодельного автора Людмилы Коноваловой

О её восьми книгах и создании семейной родословной редакция рассказала в очерке «Семейная сага Людмилы Коноваловой». Документальный рассказ из книги «Родословная. Память» обращается не только к событиям 73-летней давности, но и передаёт атмосферу довоенной и тыловой жизни советской деревни.

Мой прадед Яков Степанович Воронцов-Коновалов был крепостным графа Воронцова. Яков любил лошадей, был у графа конюхом, кузнецом и искусным коновалом. В год отмены крепостного права, в 1861 году, Якову исполнилось 27 лет. Взял он фамилию Коновалов и поселился в маленькой деревушке Зайцево Нижегородской губернии Хмелевицкой волости Ветлужского уезда. Стал заниматься разведением лошадей. К началу XX века большая крестьянская семья Коноваловых выбилась в зажиточные. Простой крестьянин, лекарь-травник, знаменитый «колдун» лечил животных, людей и никогда ничего не брал за лечение. Говорил, мол, умру – помяните добрым словом. Много добра он сделал людям. О Якове Степановиче ходили легенды. Своих лошадей отдавал на войну германскую, на войну гражданскую. В 1934 году при организации колхоза в деревне передал мельницу, овин, двух коров и последних четырёх лошадей. «Да не оскудеет рука дающего. Всякая власть – богом даётся», – убеждал внуков глубоко верующий дед. На сельском сходке 100-летний Яков Степанович доказал, что всёжитое заработал своим трудом. Принимал роды у кобыл, растил жеребят, ковал, обучал и продавал. Семья не нанимала работников, никого не эксплуатировала. Сход прислушался к словам уважаемого деда. Коноваловых признали семьёй середняка и не раскулачили. Все трудоспособные члены семьи вступили в колхоз.

В молодости свела судьба честно, доброго, жившего по заповедям божьим, ещё молодого Якова с цыганом. Того интересовали породистые лошади и другие умения деревенского лекаря-травника. Многие перенял он тогда – научился принимать роды и даже заповедь Якова «не зарься на чужое» принял и сердцем, и душой своей цыганской.

Умер Яков Степанович в 1937 году, в возрасте 103 лет. Меня, правнучку, дождал.

Шли годы. Росли дети, внуки. И теперь уже не старый цыган, а его внук Мирон едет в нашу деревню к внуку Якова Степановича Михаилу, к отцу моему. Видела цыган три раза. Не знаю, где они жили, где был табор или были они оседлыми.

Отец говорил, мол, 100-200 километров – не путь для хороших цыганских лошадей

Это было до войны, мне было годика четыре. Очень хорошо запомнила, как кибитка остановилась перед домом. Кибитка выглядела большим шаром, снаружи войлочная. «А внутри, небось, перина пуховая», – строила догадки матушка.

Чёрненькие маленькие человечки выскочили из шара и направились к крыльцу. Матушка крестилась, как от нечистой силы.

А отец, как лучших гостей, запустил в избу. Взял балалайку, и маленькие цыганки, переступив порог, стали подпрыгивать и руками прихлопывать. Отец меня в круг толкает: «Давай, дочка, пляши!» Вот уж мы выделывали коленца! Матушка смотрела испуганными глазами на цыгана с гитарой да на этих босоногих цыганят. Мужчины сидят на лавке, играют. Цыган подзадоривает, а девочки стараются. Наконец, кончились песни и пляски. Угомонились все. Отец радовался жизни: «Давай, мать, корми гостей! Не последний кусок доедаем, не скупись!» Его, еле живого, контуженного привезли

с Финской войны. Мама отпоила, откормила, и теперь он здоровый 44-летний мужчина полный сил и здоровья. Распахнул свою душу для людей, для этих маленьких чёрненьких с косичками. «Да ведь он всю жизнь такой – душа нараспашку», – говорит матушка цыгану. Матушка – полная противоположность – экономная, даже скуповатая, но отцу никогда не перечит. Такую ораву придётся накормить. Из русской печки вытаскивает ведёрный чугунок картошки. Отец берёт прихватки и сливает воду, несёт и ставит на стол. Потом ставит пятилитровый бочонок с квасом, соль, хрен и большую миску с толокном. Упирая каравай ржаного хлеба в грудь, отец нарезал хлеб толстыми ломтями. Налил в стаканы квас. «Чем богаты!», – пригласил он жестом к столу. С немывтыми руками цыганочки полезли за стол. Цыган поймал негодующий взгляд матушки, направил их к рукомойнику. Матушка полотенце пожалела, дала утирки – льняные холстинки. Девочки перенимали все движения своего отца, даже перекрестились на образа. За столом молча ели картошку, запивая квасом с толокном. Конечно, цыганам неведомо толокно, но здоровый напиток всем понравился.

Это было моё первое знакомство с цыганами. «Пусть они живут у нас», – сказала я матушке, которая с облегчением выпроваживала гостей по длинному коридору до крылечка. Мама грубо дёрнула меня за руку, закрыла входную дверь, перекрестившись. «Мне будет скучно без них. Зачем, зачем ты их выпустила?» – плакала я. Так хотелось залезть в их войлочный шар, так нравилось с ними плясать, нравилось сидеть с ними за столом. Они ногтями чистили картошку – и с каким аппетитом ели! Пока я с одной картошкой управилась, ведёрный чугунок опустел. Матушка моя, наклонившись к уху, хвалила: «Вишь, как хорошо кушают!» А я – заглаженная в семье, любимица отца, «радость великая» у матушки, капризная, требующая внимания. Не знаю, зачем приезжали

цыгане. Отец завернул в холстинку пучок табака и передал цыгану. С этим они и уехали.

Второй раз кибитка остановилась перед домом ранёхонько. Матушка испуганно заговорила: «Опять... Чать, до дома-то не успели доехать, по деревням, чать, шаромьжничали». Она явно не хотела, пускать их в дом. Открыла окно и крикнула: «Хозяин в кузнице!»

Посевная в колхозе закончилась – начинается пора сенокосная. Работы невпроворот

Боренька, 15-летний братик мой, у отца в помощниках – молотобоец. Воды принесёт с озера, уголь засыплет и горно разожжёт.

Кибитка покатила через овраг по мостику к кузнице. Наш дом первый на улице, через овраг на пригорке наша фамильная кузница. Я засуетилась:

– Хочу к ним!

– Иди уж! Ведь отец опять приведёт их обедать. Раиска, – крикнула она проснувшейся 12-летней сестрёнке, – иди в житницу, зачерпни в нижнем сусеке муку гороховую, только ларь закрой, чтобы мышь не пролезла. Хотя успеет кисель гороховый сварить, пока печка топится.

Высочила я на луг, где цыганочки плели веночки. Потом бегали по мостику, пугали головастики. Как была рада, что они снова приехали. А их братик, пацанёнок лет семи, не отходил от мужчин, и все они работали в кузнице. Отец подковал каурого цыганского жеребца. Обшил колёса кибитки. Отец хвалил цыганёнка, мол, молодец, отцу помощник. Гладил пацанёнка по кудрявой головке.

– Пойдём обедать. Мы честно заработали кусок хлеба.

Цыган привёз отцу в подарок по бочке солидола и дёгтя берёзового. Матушка подозрительно отнеслась к очень нужному для колхоза подарку:

– Поди, всё ворованное.

– Ты мой энкэвэдэшник, – засмеялся отец. – Не надо, мать! Весной они огороды пахали, этим и кормились. Ведь надо же такую ораву прокормить! Свою кузницу посоветовал ему строить, вот он и приехал советовать.

– Ближе кузню не нашёл. Едет ни свет ни заря, за тридевять земель, – не унимается матушка.

– Не кузню, а кузница, – подмигивал мне отец. – Правда, дочь? Интересный народец?

Пока остывал ведёрный чугунок с гороховым киселем, цыганки исследовали чердак. Цыган мог бы предложить свои услуги по вспашке нашего земельного участка в 50 соток, но запоздал. Колхозными лошадьми земелька вспахана, картошечка посажена, пшеничка на 25 сотках посеяна.

– Управились с божьей помощью да с помощью председателя. Спасибо, не отказывает вспахать земельный надел лошадьми колхозными.

– Экспропрированными у богатых, – с издёвкой подсказывает цыган.

– Хватит, мужики, рассусоливать. Идите обедать, – позвала мама.

С аппетитом ели всё, что предлагала хозяйка, особенно хорошо уплетался кисель гороховый с льняным маслом.

Поплясали и попели «на дорожку», и опять я плакала, а цыган Тимо сказал: «На следующий год ваша дворина будет вспахана первой. Даю слово. Слово цыгана»

А ровно через месяц, 22 июня 1941 года, началась война. Отец мой был призван на войну и целых четыре года мы его ждали. В мае 1943 года приехал в деревню цыган, но не Тимо.

– Пахать, хозяйка, надо!

– Надо, надо! – обрадовалась мама.

Мама обрадовалась, вынесла миску яичек и чугунок картошки. Всё съели, сели в бричку и уехали. Да, это не Тимо. Цыган цыгану – рознь. Обманул он матушку мою. Еда была приготовлена для семерых женщин, с которыми мама шла бы в упряжке. Сегодня должны были вспахать наши 50 соток.

Это было моё третье кратковременное знакомство с цыганами. Плакали вместе с мамой. Ведь было так голодно! Сошлись женщины, успокаивали:

– Разве же вспашет цыган? Да он же лошадь свою пожалеет и только землю поцарапает. Мы честно вспашем, на глубину плуга. Люба, не расстраивайся. Жаль, конечно, но не смертельно. А сегодня пойдём к Анисье. Накормишь завтраком и обедом? – спрашивают Анисью. – Немножко очередь поломаем, пока Люба яйца копит.

✍ Людмила Коновалова

